

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'37 +811.161.1–25

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ В РАЗНЫХ СФЕРАХ И СРЕДАХ ОБЩЕНИЯ (сравнительный анализ разговорной и научной речи)

О. В. Мякшева

Саратовский государственный университет
E-mail: myakshev@mail.ru

В статье рассматривается специфика использования языковых средств с пространственной семантикой в обиходном общении и научной речи (для построения и передачи умозрительных концепций), в роли инструментального предмета исследования предлагаются так называемые типы пространств.

Ключевые слова: пространственная семантика, типы пространств, сфера и среда общения, научная и разговорная речь.

Peculiarities of Spatial Semantics in Different Spheres of Communication

O. V. Myaksheva

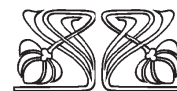
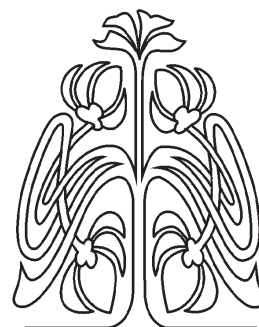
The article considers the specificity of the use of linguistic resources with spatial semantics in everyday communication and scientific speech (to form and render speculative concepts); the so-called types of spaces are put forward as the instrumental subject of research.

Key words: spatial semantics, types of spaces, sphere and ambience of communication, scientific and everyday speech.

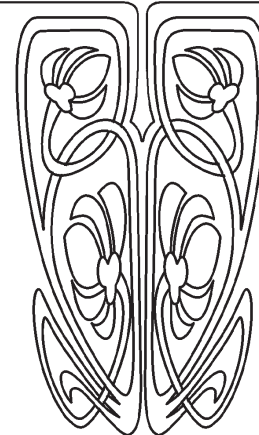
Язык – гибкий и универсальный механизм передачи смысла. Способ получения знаний о мире – в простом восприятии, в процессе профессиональной деятельности, размышлении о нем¹ – формирует речевые варианты представления одного и того же смысла. Современную науку интересует вопрос о том, в чем проявляется эта вариативность, чем она обусловлена и к каким последствиям по отношению к языку/речи ведет.

Непосредственным объектом нашего исследования является пространственная семантика, а предметом – специфика ее использования в разных сферах общения (в данной статье – в разговорной и научной)². Инструментальным предметом анализа стали так называемые типы пространств³: реальное (манифестации которого отображают зримые пространственные ориентиры события), концептуальное (фиксирующее существование и перемещение ментальных объектов), ассоциативного фона события (использующее номинации реальных пространственных ориентиров в непрямом значении для решения выразительных текстовых задач). Выявление пространственных единиц речи (типов пространств) позволило приоткрыть завесу над тем, почему именно текст становится «смыслопорождающим» устройством⁴. Как представляется, взгляд «от языка» усложняет, а иногда делает невозможным решение этого вопроса.

В разговорной речи (далее – РР) влияние на специфику представления пространственной семантики сферы, и в первую очередь среды общения⁵, связано со свойством пространства как объективной, не зависящей от человека, но прагматически важной для его существования формы бытия материи. Свообразие РР составляет так называемая констатирующая обусловленность речевого акта (Е. А. Земская). По нашим данным, до 36% случаев пространственной ориентации в РР

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

остается вербально не осуществленной. Например, в одной из анализируемых нами бесед о такой житейской ситуации, как «помывка», разговор заходит сначала о душе в общежитии, потом о бане: (беседа начинается с разговора о кошке) – *Когда я ее мыла/ у нее нос был красный/ как у алкаша прям// – Ты че ее под холодной водой мыла чтоль? – Нет// – А горячую так и не дали? – А я дома парилась даже/ мне так понравилось – Еще бы – Да че-то мне раньше не нравилось/ помню мама/ парила / жарко слишком было/ в этот раз не очень жарко/ нормально было/ я даже не почувствовала жара/ и это / мама всегда парила и была сильно/ мне казалось тогда/ непривычная я была//* (запись саратовской разговорной речи, далее – СРР). В данном фрагменте текста ни ориентир *души*, ни *бани* не вербализуются. Первый – потому что является компонентом частно-апперцепционной базы общающихся – студентов, живущих в одном общежитии, второй – потому что входит в общий фонд знаний носителей языка. Безусловно, дистрибуция глагола *парить* в сочетании с другими компонентами воссоздания ситуации «помывки» – *жарко, была сильно* – предполагает только ориентир *бани* (ср. иное понимание глагола *парить* в другом контексте: `парить, распарить палец для обработки`). Другой пример: в реплике *Гадюку видела/ валялась/ дохлая* (СРР) ориентир типа *на земле, на траве* и т. п. не вербализован. М. В. Всеволодова в подобных случаях говорит о логическом уровне лексической и лексико-грамматической валентности слов: «Логический уровень валентности (логическая валентность) имеет внеязыковой, универсальный характер, поскольку определяется характеристиками действий, событий, явлений, предметов реального мира»⁶. Можно предположить, что по причине логической обусловленности наличия в данной фразе ориентиров типа *на земле, в траве* такой ориентир в РР (свободной от фиксируемых грамматикой норм) не вербализуется. Конечно, в других формах речи также возможно отсутствие в подобных предложениях пространственного ориентира, но в непринужденной беседе такое явление регулярно. Думается, для когнитивной лингвистики представляется важным следующее: разговорная, обиходно-бытовая речь чаще, чем другие формы речи, освобождает себя от всего, что компенсируется знаниями об окружающем мире, которыми обладает не только конкретный круг общающихся, но все говорящие на данном языке, «некоторым фоном общих знаний, свойственных носителям языка»⁷, знанием грамматических и иных языковых норм, данная сфера общения более свободно прибегает к услугам, скажем так, «когнитивной» памяти.

Основная функция, которая реализуется в РР, – коммуникативная, и эта функция, первичная для языка, формирует ее специфику. Человек как точка отсчета в языковой картине мира предстает в данной сфере творцом, ограниченным

только естественными условиями осуществления речевого акта. Антропоцентризм речевого акта проявляется здесь в таких характеристиках среды его протекания, как ситуативность, спонтанность, неподготовленность, непосредственность общения, которые не могут допустить конкурентных реальному типов пространств. В аспекте содержательных, собственно семантических свойств антропоцентризм отражается в том, что «КСВ (конструктивно-стилевой вектор. – О. М.) разговорности направляет общающихся на повышенную личностность и экспрессивность»⁸. По нашим данным, именно эти векторы характеризуют и специфику выражения семантики пространственной ориентации в данной речевой сфере. Попытаемся это доказать.

Одной из ярких черт РР в аспекте особенностей членения мира и ориентации в нем является так называемое личное реальное пространство, вероятно, своеобразный прототип «личной сферы» (М. В. Всеволодова), «сферы обладателя» (А. В. Бондарко), о которой давно говорят ученые как о специфической черте русского языка в аспекте особенностей восприятия мира. Характер метонимического смещения по отношению к языку в данной сфере общения заключается в следующем: пространство членится на «свое» и «чужое». Личностные локализаторы в функции реальных пространственных ориентиров в нашем материале составляют до 18% от всех вербализованных пространственных ориентиров (ср., напр., в научной речи – не более 1–1,5%): *У меня* (в моей комнате) *не убирай/ сама справлюсь//* (СРР); *Слушай/ какие у тебя* (в твоём доме) *цветы-то* (СРР); *А я смотрю/ у вас* (в вашей квартире) *нет света* (СРР); *Потому что у тети Нюси же свой дом/ у нее нет этих всех удобств таких как у нас* (разговорная речь москвичей, далее – МРР).

Реальное личное пространство в РР, с одной стороны, довольно константно – это дом, место работы, учебы, обычного проведения досуга, с другой – очень подвижное и размытое понятие, это может быть любое место, на которое в данный момент распространяется «влияние» говорящего или других участников общения: *Чтоб хоть чай был у меня* (на банкетном столе, который организует говорящий) (СРР); *Слушай/ у тебя там* (на кухне, где собеседник готовит, причем он не обязательно хозяин кухни) *ничего не пригорело? – Нет/ у меня не пригорело ничего/ ничего не пригорело* (СРР); (увидев, что ножницы лежат на кровати) *А че у тя ножницы лежат сверху? В попу воткнутся* (МРР). Это может быть пространство близкого человека, на этом основании осознаваемое как «свое»: *У нас у мамы врач работала* (СРР); *У меня у мамы в гараже есть / есть такой брезент* (СРР).

Несмотря на исходную дейктичность пространственной ориентации в РР (которая проявляется в первую очередь в констатирующей речевого акта, роли относительных номинаций

места типа *там, здесь, у меня*), основной формой вербализации пространственного ориентира в ней является существительное (в нашем материале высказывания с ориентиром-существительным составляют до 45% от всех вербализованных ориентиров). Этому факту мы предлагаем следующее объяснение: не являясь целью коммуникации, ориентир введен потому, что слушающими может интерпретироваться неоднозначно: *Я еще стояла с ним/ долго разговаривала/ около столовой* (МРР); *Но все равно со снабжением-то хуже стало/ в городе?* (устная разговорная речь горожан-уральцев, далее – УРР); ориентир входит в коммуникативный фокус высказывания, является компонентом новой для собеседников информации: *А Кочаровы приехали в Ташкент/ из... из Баку*// (МРР); вербализация ориентира связана с более выраженным, по сравнению с обычным, эмоциональным фоном акта коммуникации⁹.

Остановимся на последней причине подробнее. *Чё-то остро. Я села на осиное гнездо!* (СРР) – вскрикивает (и от боли, вероятно) во время прогулки один из партнёров коммуникации; *Не стойте в коридоре, проходите сразу в комнату* (МРР 270) – любезно приглашают хозяева. (Ср. «рабочие» варианты встречи: – *Проходи/ с прошедшим тебя праздником* (СРР); – *Привет! – Привет/ заходи! – Ой/ Я тебя испачкаю* (помадой)// – *Ниче/ только порозовею* (МРР 270); *Ах ты красавица, села на мой стульчик* (СРР) – с умилением обращается к кошке её хозяйка; *Смотри как за окошком красиво/да? Кружевное все// – мать пытается расшевелить погрустневшую дочь – (дочь, ворчливо) Ниче красивого нет// Мне это уже надоело* (МРР 309). Другие понятные и без комментариев примеры: *И так на теплой постели выходить туда в коридор не хотелось/ ну думаю/ а вдруг кто-нибудь постучал* (СРР); *Составьте список/ что нужно из погребов достать/ из княжеских* (СРР); *И ты знаешь/ уже 10 лет/ в нашей прекрасной стране/ никак не могут начать производство/ массовое* (СРР); *А на государственных полях чем травят?// – А там неизвестно// – А там другие// – Пестицидами какими-нибудь// – Там что-то такое более мощное/ его распыляют с самолета// – Надо думать// Там же никто не собирает личинок/ как на личном огороде* (СРР). В этих и подобных – многочисленных в нашем материале – случаях созданная говорящим яркая словесная «картинка» ситуации является следствием особого настроения говорящего, попыткой передать этот настрой собеседникам. Такая вербализация чаще всего является не осознанной стратегией, а импульсивным, непреднамеренным актом, она особенно характерна для диалогов, которые, в свою очередь, реализуются в спонтанных ситуациях. Ситуативные «обстоятельства жизни» предлагают нам много способов «выплеснуть» эмоции (см.: *Я села на осиное гнездо!*).

В монологах ориентиры (заметим – чаще в позиции ремы высказывания) нередко появляются

в случаях их особой роли в акте коммуникации. В приведенном ниже монологе говорящий вспоминает о своих родителях, в примечании не раз отмечается по поводу манеры повествования с улыбкой в голосе: *Во-о-т// И мама уехала в кишлак/ а отец был в Ташкенте// И очень странно// Он очень рано/ получил повестку на фронт// В августе его уже призывали/ када еще в Ташкенте/ призыва практически не было... Он тада/ за ней чесанул/ в этот кишлак// И говорит ей// «Я ухажу на фронт// Выходи за меня замуж* (МРР). Выбор в качестве предметов воспоминаний ориентиров *кишлак, Ташкент, фронт* является и следствием особого отношения к данным дорогим для родителей говорящего местам, и способом передачи самоотверженности родителей, развитого у них чувства долга перед Родиной.

Итак, использование основной для языка формы выражения пространственной ориентации (абсолютной, формами существительного¹⁰) в РР происходит не только в связи с собственно коммуникативными, информационными потребностями, но и тогда, когда говорящий пытается передать, помимо рациональной, объективной информации, свои интенции на выраженном эмоциональном фоне. Именно существительные (не местоименные формы, местоименные наречия в роли пространственных ориентиров) способны давать толчок к выражению эмоций, поскольку предметные номинации в процессе использования этих предметов людьми «обрастают» определенными эмоциональными характеристиками. (См. характерный в этом отношении диалог: – *Нин/ ты убиралась в моей комнате?* (вместо частотного – *у меня*) – *Я немного пыль протерла// – Не трогай ты ничего на моем столе!* (ср.: *у меня*)// *Опять все не так лежит!// – Ну извини* (МРР)). Иными словами, если пространственная ориентация дейктическими средствами является в РР коммуникативно приемлемой и прагматически ориентированной по отношению к способу общения (например, наречия *там, здесь, внизу*) или субъекту общения (ориентиры личного пространства типа *у нас, у меня*), то ориентация формами существительного служит особой и важной составляющей всего коммуникативного процесса, включая выражение эмоциональных коннотаций и смысловых «добавок» к значению.

Зависимость выражения пространственной семантики от эмоциональной составляющей речевого акта проявляется и на уровне выбора падежной формы и конкретного предлога. Если высокочастотные формы предложного и винительного падежей с предлогами *в* и *на* употребляются в нашем материале одинаково часто и во фразах с эмоциональным компонентом, и без него, то значительно менее частотные сопровождаются выраженным эмоциональным фоном. Вероятно, падежные значения винительного и предложного падежей с предлогами *в* и *на* в непринужденной, неподготовленной, ситуативной речи, речи пре-

имущественно на темы бытовые и связанные с бытовыми ситуациями относятся к наиболее прагматически ориентированным, менее частотные формы фиксируют нетипичную, нередко непривычную, «неловкую» для человека ориентацию, которая сопровождается напряженным эмоциональным фоном (ср.: *сидела у стола – оказалась под столом*). Пример из нашего материала: *Мой сын/ значит/ как-то умудрился/ я не знаю/ как-то ему там дали две справки (смех)// А я ему говорю// Говорю/ Вовка ищи свой дневник/ он говорит я его не знаю/ где он у меня этот дневник// Лазал лазил/ где-то под кроватью нашел дневник* (СРР).

Особенности выражения концептуальных пространств и пространства ассоциативного фона события в связи с их производной по отношению к естественному общению природой «искажаются» в РР по причине несоответствия письменной сфере – они вынуждены приспосабливаться к «экстремальному» режиму работы языка (см. примеры манифестаций концептуального пространства в РР: *Вот когда наши ровесники **приходят к власти**/ и ты их прекрасно знаешь как облупленных* (УРР); *Вы так сказать по-другому **подойдите к этому вопросу*** (СРР)). В концептуальных пространствах увеличивается, по сравнению с научной сферой (о чем ниже), частотность местоименных форм (в частности, наречия *там, у-локализаторов*), пространство ассоциативного фона события максимально сужается (по сравнению, например, со СМИ¹¹), так как далеко не всегда в условиях непринужденного, ситуативного, спонтанного общения говорящий способен на использование ресурсов вторичного семиозиса. Однако примеры употребления манифестаций пространства ассоциативного фона события в РР все же встречаются: *Добрый вечер// – Все собираются в свои норки/ в свои норки// – Вечер-вечер* (МРР); *В семнадцатом году/ я была вообще как жеребенок на лузу/ рада тому шо все/ переменится* (МРР). Причины появления в спонтанной, неподготовленной речи фраз с образными пространственными ассоциациями в основном две: потребность выразить эмоции, разрядив таким образом психологическое напряжение, быстро и экономно выразив эмоциональный настрой, эмоциональную оценку, и желание заняться «языковой игрой», получить эстетическое удовольствие от словесного творчества.

Научная речь (далее – НР) обслуживает сферу оперирования абстрактными сущностями, полученными в результате аналитической, ментальной деятельности человека; с одной стороны, она является **итогом** наблюдений над реальной действительностью, своеобразной формой таких наблюдений, с другой – **средством** выявления ее, этой действительности, сущностных свойств. Теоретические предпосылки формирования НР предопределяют существование в ней концептуального и реального пространств. Что касается пространства ассоциативного фона события, то

его наличие или отсутствие, вероятно, зависит от менее значимых для этой сферы общения причин.

Как и для любого другого, для научного текста характерна обязательность пространственной детерминации содержания, но в НР эта детерминированность проявляет себя специфично. Обычно пространство, на которое простирается научный анализ, представляя собой в большей или меньшей степени виртуальное явление, дается как объект исследования, а целью считается выявление одного (или нескольких) сущностного свойства этого объекта. Этот объект заявлен в заглавии работы, он может сужаться (или расширяться) в названиях глав и параграфов, но всякий раз выступает как область «бытия» исследования.

В качестве одного из типичных в нашем материале примеров рассмотрим начало книги «Оценка качества и оптимизация вычислительных систем» (вычислительная техника, Авен). Как предполагаем, объектом исследования, областью бытия, на которую распространяется анализ, здесь будут являться *вычислительные системы*, а предметом – *оценка их качества и оптимизация*. В начале главы 1 объект исследования *вычислительные системы* (ВС) вербализован уже в первом предложении, однако заметим, не в синтаксической позиции локализатора: *Для оценки качества и оптимизации **ВС** применяют аналитические (математические) и имитационные (программные) модели и методы экспериментального исследования*. В параграфах рассматриваются сначала §1 *Аналитические модели* (способы применения оценки качества ВС, как понимаем из первого, перед параграфами, предложения главы), начало параграфа: *Аналитические модели **ВС** описывают ее функционирование посредством математических объектов. Такая модель строится, как правило, на основе понятий и символов некоторой теории, например теории массового обслуживания или теории цепей Маркова. Если выбранные показатели качества **ВС** удается явно выразить в зависимости от входящих в модель параметров, то говорят, что имеет место аналитическое решение <...>*, а затем §2 *Имитационные модели*, начало параграфа: *Имитационная модель **ВС** описывает ее функционирование в виде последовательности операций или групп операций <...> Имитационные модели в зависимости от используемых входных данных можно разделить на **трассоориентированные и статистические**. В трассоориентированной имитационной модели входные данные задаются трассой*. Как видим, в параграфах (и в их названиях в том числе) конкретизированный, «суженный» объект исследования представлен сначала в роли предмета речи, в позиции подлежащего (*аналитические модели, имитационные модели*), затем в роли собственно объекта в позиции дополнения (*имитационные модели <...> можно разделить на трассоориентированные и статистические*) и, наконец, в роли пространственного ориентира

в позиции локализатора, обстоятельства места (*входящих в модель; в трассоориентированной имитационной модели входные данные задаются трассой*), в пределах которого выявляются определенные свойства. Принимая во внимание факт (так или иначе уже давно сформулированный учеными), что научное изложение в основе своей базируется на правилах развертывания знаний, почерпнутых из опыта освоения реальной действительности, и доступно пониманию, если сохраняет эту связь, сконструируем – точнее, восстановим – «реальный» текст по приведенному выше абстрактному варианту: *Дорога* (предмет речи), *по которой* (способ преодоления) *нам предстояло пойти, была видна издалека. Но не все из шедших заметили ее* (объект). *Наконец, мы вышли на эту дорогу* (пространственный ориентир).

И здесь мы заявляем о такой важной дискурсивной характеристике НР, как стирание грани между ролями и позициями в аспекте их денотативных соотношенностей (если можно говорить о понятии «денотативная соотношенность» в применении к ментальной сфере) – иными словами, об использовании явлений «синтаксическая позиция» и «семантическая роль» как **способа** научного изложения. Утверждение о том, что «все типы предложений, по крайней мере в их генезисе, представляли языковые модели конкретных ситуаций»¹², можно распространить и на правила формирования текста научного изложения: научный текст в своем генезисе опирается на языковые модели отражения сложных реальных ситуаций. Предполагаем, что всякая отрасль науки создает свой «ландшафт местности», **используя семантику пространственной ориентации как один из способов выражения отвлеченного смысла, движения научной мысли.**

Наиболее представленным в НР, как и следовало предположить, является концептуальное пространство. В нашем материале (а это преимущественно научные монографии издательства «Наука» и других подобных издательств) манифестации концептуального пространства составляют минимально 62% – в работах по экологии, максимально 75% – в монографиях по вычислительной технике. В приведенных ниже примерах курсивом выделены лексические (существительные с реализованной в данном контексте или потенциальной семой пространственного ориентира) и синтаксические (структуры со значением движения и местонахождения) средства языка, первичной функцией которых является отражение реального пространства: *Двумя основными путями совершенствования ЭВМ служат развитие элементарной базы и использование более эффективных архитектурных решений, причем при заданном уровне развития технологии именно достижения в области архитектуры позволяют раскрыть возможности, заложенные в элементарной базе* (вычислительная техника, Сигнаевский); *При изучении его принято различать флору и растительность – два разных*

понятия, две разные стороны растительного покрова, которые неспециалисты часто путают (экология, Семенова); *Мы считаем, что область коммуникативных структур – это та сфера языка, в данном случае – русского, где разные значения и их комбинации имеют различное выражение* (лингвистика, Янко); *Так в лингвистике появились два самостоятельных раздела в семантике – теория значения и теория референции* (лингвистика, Кронгауз); *Однако последовательное проведение этого принципа с ростом числа сегментов приводит ко многим проблемам* (вычислительная техника, Сигнаевский); *Так постепенно совершался переход к новым способам добычи продуктов питания – земледелию и скотоводству* (экология, Семенова); *В это понятие входит и массовый туризм, также влияющий на окружающую природу, в первую очередь на растительность* (экология, Семенова).

Значения местонахождения и существования, как и семантика движения, динамики явлений по отношению друг к другу, при осмыслении одного из предметов – ментальных сущностей в качестве пространственного ориентира, являются универсальными значениями синтаксической семантики, они активно заимствуются в концептуальное пространство для представления хода и результатов мыслительного процесса.

Существительные с потенциальной семой пространственной ориентации, как видим и из приведенных выше примеров (например: *область, сторона, сфера*), в научные размышления также привлекаются активно. Память человека о предметах – пространственных ориентирах, их физических свойствах в аспекте человеческих потребностей трудно освободить от образных ассоциаций. Но именно благодаря этой памяти с помощью введения таких ориентиров в научный текст можно обозначить нюансы размышлений. Конструкции с невыразительными, интересными нам только своей «геометрией» предметами скорее теряют (если имели) конкретно-образную коннотацию, переходят в разряд предложных сочетаний и формируют концептуальное пространство: *Но эти барьеры видят и государство, и бизнес, причем не только видят, но и предпринимают вполне определенные шаги для их ликвидации. И в сфере государственного регулирования, и в сфере инвестиционной деятельности (экономика); Всероссийскую премию в сфере бизнеса «Компания года – 2006» на протяжении пяти лет традиционно вручает РИА «РосБизнесКонсалтинг» (РБК)* (экономика). Сложнее обстоит дело с использованием в НР конкретных существительных типа *коридор, кухня, лифт*, которые формируют пространство ассоциативного фона.

Пространство ассоциативного фона события, казалось бы, не может быть характерным для НР. В отличие от концептуального пространства оно не теряет или с трудом теряет коннотативную ауру компонентов, существующих в реальном про-

странстве или образуемых в результате «смены» денотата (см. пример из научной статьи: *Знак, рожденный для именовании одной концептуальной сферы, становится «крышей» для новой структуры знания* (лингвистика, Кубрякова)), в котором «попутные ассоциации» из современной реальной действительности и, самое главное, сопутствующие коннотативные значения мешают правильно понимать фразу. Иными словами, пространство ассоциативного фона события в подавляющем большинстве случаев оценочно, а верным текстовым спутником оценки является воздействие (недопустимый для научного текста компонент). Из изложенного делаем вывод, что ориентиры пространства ассоциативного фона события для научного изложения опасны и в то же время привлекательны, так как позволяют (конечно, при условии достаточной доказательной базы) помочь обосновать вывод, растолковать отвлеченное явление конкретными картинками и т. д. Приведем пример такого растолкования: (речь идет об элементе строения вычислительной системы): **Конвейерный процессор** в значительной степени напоминает сборочную линию, а каждый сегмент – место проведения очередного этапа сборки (вычислительная техника, Авен).

Наиболее часто образные пространственные ассоциации встречаются в некоторых проанализированных нами работах по лингвистике. Приведем примеры: *Механизм превращения ощущения (восприятия, представления) в понятие, гносеологического образа – в значение знака мы называем сигнификативным лифтом* (Тайсина); *При всех достоинствах данного направления в тени остается изучение создания высказывания в реальных процессах общения, взаимодействия между говорящим и слушающим* (Овчинникова); *Сравнение соотношения функционирования языковых единиц в коммуникативном акте и их словарных дефиниций показывает, что говорящий никогда не оперирует языком в целом, он находится внутри «языкового лабиринта»* (Когнитивные...); *Изменилась шкала ценностей, так что на пути информации стоит не одна преграда, не один закрытый «фильтр», как было ранее, а несколько различных, открытых «фильтров* (Крылова); *Наука не может сейчас рассчитывать на успех, если будет отгораживаться от других дисциплин слишком высокими заборами и для достижения практических целей ей придется искать связей с ними* (Комлев); *Если логические позитивисты искали выход из тупика, в который, как они считали, философию привел естественный язык, то для поздних работ Витгенштейна <...> такой выход заключался прежде всего в описаниях способов употребления языковых выражений* (Павиленис); *И, если разобраться, не может не исчезнуть: там, где созданное из языка перестает рассматриваться в его живой пульсации и интерпретируется как кирпич в стене – даже если это стена двorca, – никаких наблюдений*

и выводов, касающихся языка, быть не может (Дымарский). Опыт использования в неабстрактных областях речевой практики выделенных слов помогает автору передать, а читателю воспринять отвлеченные научные размышления.

На примере высказывания из научной речи **Внедряясь в бытие, мысль приводит его в движение, она не скользит по объекту, но становится реальной силой, действием, практикой** <...> **образ человека в современной культуре – уже близок к исчезновению и, возможно, исчезнет, как «лицо, начертанное на прибрежном песке»** проиллюстрируем этапы введения в научный текст пространственных метафор: от «живой» (манифестации пространства ассоциативного фона), на стадии вербального выражения обоих объектов – предмета сравнения и предмета ассоциации (**образ человека в современной культуре** <...> «лицо, начертанное на прибрежном песке»), еще «живой» усилиями глагольной лексики (*мысль приводит его в движение, она не скользит по объекту*) до «мертвой» (манифестации концептуального пространства), воспринимаемой нами только в аспекте рациональных смыслов (**внедряясь в бытие; образ человека в современной культуре**).

Манифестации концептуального и ассоциативного типов пространств являются в научной речи способом изложения. Ученые всегда стремятся к передаче рациональных смыслов, что соответствует сфере научного общения, но в большей или меньшей мере обречены на передачу смыслов эмоциональных, и это одно из открытий антропоцентрической парадигмы лингвистического мышления. Пока научные тексты пишут люди, фрагменты ассоциативного пространства будут в этих текстах присутствовать.

Реальное пространство в НР непосредственно в форме доказательств того или иного ментального явления проявляет себя не во всех проанализированных нами текстах. Спецификой денотативной соотношенности данных ориентиров является то, что они представляют собой абстрактные классы, даже если обозначают, казалось бы, конкретные места¹³. Этот факт говорит об особом аспекте представления реального пространства в НР – не с точки зрения возможности непосредственного восприятия ориентиров как зримых компонентов ситуации, а с точки зрения их сущностных свойств как компонентов одной из областей научного интереса – земного ландшафта с находящимися на нем объектами естественного и искусственного происхождения (см. пример: *Основными факторами, влияющими на жизнь и развитие растений и на их распространение на суше, являются тепло и влага. Всем известно, что без них растения существовать не могут даже в комнатных условиях, в цветочных горшках* (экология, Семенова)). Несмотря на то что мы можем представить и представляем реальные денотаты (особенно это показательно на ориентире *в цветочных горшках*, который, скорее,

всего идентифицируется в сознании говорящего с цветочным горшком на его подоконнике), цель их введения – выявление неких существенных свойств предмета рассмотрения, в нашем случае тепла и влаги. Характерно, что этот «зримый» ориентир – уточнение не к пространству (в таком случае было бы *в комнате*), а именно к условиям существования (*в комнатных условиях*).

В таких науках как математика (в нашем случае – вычислительная техника) реальный денотат размышлений бывает слишком далек от обыденной жизни, чтобы приводить его в качестве доказательства состоятельности научной концепции (как помним, в начальной школе математика постигается через манипуляции с конкретными предметами). Эти науки в роли образного, наглядного способа представления научных положений и выводов, их истинности и непротиворечивости используют схемы, графики, таблицы. В качестве авторитетного подтверждения этого вывода приведем высказывание В. Г. Гака: «Пространством не только начинается познание, оно им нередко и завершается. Часто ученый считает свою задачу выполненной, когда он может представить свою теорию или результаты исследования графически: в виде схемы, таблицы, древа и т. п. Эта финальность использования пространственных представлений в актах познания свидетельствует об их первичности: идея предела и начала здесь совпадает»¹⁴. Такие схемы и графики можно назвать постконцептуальным реальным пространством.

Итак, как показал материал исследования, «способность языка создавать вариативные способы описания одного и того же» (Е. С. Кубрякова) – в нашем материале пространственной семантики – связана с различиями той сферы и среды функционирования, в которых осуществляется общение. Специфика пространственной ориентации в РР зависит от конкретных пространственных параметров ситуации и субъективных последствий короткой связи сферы и среды (например, при проявлении эмотивных характеристик разговорного общения, в процессе членения мира на «свой» и «чужой»). В научной речи ведущим фактором является сфера¹⁵. Схема познания реального мира, и пространственной ориентации в том числе, зафиксированная в языке, в НР служит формой, оболочкой представления научного знания. Наука существует в пространстве, в котором пространственная ориентация не константная конфигурация ментальных объектов, а способ научного изложения.

Примечания

- 1 См.: Кубрякова Е. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 17.
- 2 Источники речевого материала: 1. Расшифровки записей разговорной речи из фонда кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета и опубликованные записи устной

речи коренных москвичей (*Китайгородская М., Розанова Н.* Речь москвичей : Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999), устной разговорной речи горожан-уральцев (*Живая речь уральского города.* Свердловск, 1995); 2. Научные монографии и научные статьи из нескольких областей знания : вычислительной техники, экологии, лингвистики (*Семенова-Тян-Шанская А.* Мир растений и люди. Л., 1986; *Сигневский В., Коган Я.* Методы оценки быстродействия вычислительных систем. М., 1991; *Авен О., Гурин Н., Коган Я.* Оценка качества и оптимизация вычислительных систем. М., 1982; *Овчинникова И.* Ассоциации и высказывание : структура и высказывание. Пермь, 1984; *Тайсина Э.* Некоторые концептуальные дополнения к исследованию проблемы значения // Филология языка и семиотики. Иваново, 1995; *Когнитивные категории в синтаксисе : коллект. монография.* Иркутск, 2009; *Янко Т.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001; *Крылова О.* Лингвистическая стилистика : в 2 кн. Теория : учеб. пособие М., 2006. Кн. 1.; *Дьмарский М.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб., 1999; *Комлев Н.* Слово в речи. Денотативные аспекты. М., 2003; *Павиленис Р.* Проблема смысла : современный логико-философский анализ языка. М., 1983; *Кронгауз М.* Семантика : учебник для вузов. М., 2001).

- 3 См. о типах пространств: *Мякишева О.* Пространственная семантика : ресурсы языка и их функциональный потенциал. Саратов, 2007; *Мякишева О.* Типы пространств и их роль в газетном тексте (когнитивно-дискурсивный аспект) // Филологические науки. 2007. № 5. С. 91–101.
- 4 См.: *Лотман Ю.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 155.
- 5 См. о сфере и среде общения: *Костомаров В.* Наш язык в действии : Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- 6 *Всеволодова М.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000. С. 370.
- 7 *Земская Е., Китайгородская М., Ширяев Е.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 195.
- 8 *Костомаров В.* Указ. соч. С. 170.
- 9 О влиянии эмоций на формирование речевого акта см.: *Шаховский В.* Социальная интеракция власти и народа через языковую игру // Язык и действительность. М., 2007; *Он же.* Лингвистика эмоций // Филологические науки. 2007. № 5. С. 3–14; *Иная ментальность.* М., 2005.
- 10 См.: *Гак В.* Языковые преобразования. М., 1998. С. 84.
- 11 См. об этом, напр.: *Мякишева О.* Пространство в языке и речи. Специфика газетных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. 2007. № 5. С. 97–107.
- 12 Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 57.
- 13 См. о типах референции, напр.: *Шмелев А.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- 14 *Гак В.* Указ. соч. С. 670.
- 15 См. мнение В. Г. Костомарова о НР, формирующейся сферой, а не средой общения: *Костомаров В.* Указ. соч. С. 45.